В.П. Степаненко
Екатеринбург

БОГОМАТЕРЬ НИКОПЕЯ И АКАТАМАХИТОС (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРЕСКИ ХРАМА СВ. ГЕОРГИЯ В КУРБИНОВО)

Храм св. Георгия в Курбиново около оз. Преспа был расписан в 1191г[1]. Подобно церкви св. Пантелеймона в Нерези, это явно не приходская церковь, но, судя по остаткам фрески на западном фасаде с изображениям и ктитора, императора и, по-видимому, церковного иерарха, фамильная капелла феодала достаточно высокого ранга[2]. В его абсиде находится изображение сидящей на престоле Богоматери с полулежащим на ее коленях благословляющим младенцем Христом. Данный иконографический тип известен по ряду памятников живописи и прикладного искусства, как, например, мозаике кафоликона монастыря св. Луки в Фокиде (первая половина XI в.), фреске церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудере на Кипре (1192 г.), панагиару монастыря св. Пантелеймона на Афоне (конец XII в.), иконе начала XIV в. из Византийского музея в Афинах, барельефу Сан Марко в Венеции[3].

Н.П. Кондаков рассматривал данный иконографический тип как возможный вариант Одигитрии[4]. Так же определяла ее Д. Мурики, тогда как С. Радойчич описал ее как Богоматерь на престоле «с взыгравшим младенцем», приводя в качестве аналогии икону Богоматери Пелагонитиссы и фреску церкви св. Георгия в Старо Нагоричино[5].

---

[1] См. Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, Славянская Македония. М., 2000. С. 41-45, 336-339 (библиография); Грозданов К., Хадерман — Мизгич Л. Курбиново. Скопье, 1992.

[2] Грозданов Ц., Барджиева Д. О портретах исторических лиц в Курбиново//ЗРВИ. 1994. Т. 32. С.62-84, 72-73.

[3] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. М., 1998. С. 254-259; Ἀχειμάστου-Ποταμιανοῦ Μ. Εἰκόνες τοῦ Βυζαντινοῦ Μουσείου. Ἀθηνῶν, 1998. Σ. 76-77. № 19; Пуцко В. Византийские панагиары на Афоне/Сб. в чест на академик Димитър Ангелов. София, 1994. С. 248-250; Малицкий Н.В. Панагиар афонского монастыря Руссик/Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 192-201.

[4] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. С. 258.

[5] Radojčić S. Die serbische Ikonenmalerei vom 12. Jahrhundert bis zum Jahre

Фреска многократно упоминалась в общих трудах по искусству Македонии и Византии и определялась как вариант Одигитрии[6]. Не так давно Д. Барджиева издала надпись при образе Богоматери – «ΜΘ Νικοπόηος». По предположению исследовательницы, надпись явно ошибочна и не соответствует иконографии образа Никопеи, тем более, что он был известен в Македонии, о чем свидетельствует фреска в абсиде базилики св. Софии в Охриде[7].

Конечно же, Богоматерь в абсиде церкви св. Георгия – не Никопея. Но, на наш взгляд, в данном случае вряд ли справедливо говорить об ошибке мастера, учитывая, что, будучи греком, ранее он участвовал в росписи церкви Анаргиров в Касторье[8], т.е. был достаточно сведущ в иконографии. Тем более что надпись сопровождает центральную фигуру росписи, расположенную в абсиде храма.

И хотя вероятность ошибки здесь довольно мала, нельзя ее и полностью исключить, ибо подобные прецеденты известны[9]. Но велика вероятность, что тот или иной эпитет Богоматери, сопровождавший ее образ, мог быть избран субъективно, выражая вполне конкретные упования заказчика произведения. Так, на золотом энколпии IX–X вв. изображение Богоматери Никопеи в рост сопровождается надписью Καρδιοβαστάζουσα – «Держащая сердце», а Одигитрии в рост на другой стороне – эпитетом ἡ Ἀβασιωτησιώτισσα [10].

1459//JÖB. 1956. Bd. 5. S. 68-69; Беляев Н. Образ Божьей Матери Пелагонитисы//BS. 1930. Vol. 2. С. 386-394.

[6] См., напр.: Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 101. Прим. 118.

[7] Bardzieva-Trajkovska D. The Virgin Nikopeja from Kurbinovo//Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII в. СПб., 2002. С. 86-93.

[8] Χατζηδακης Μ. Ἅγιοι Ἀνάργυροι//Καστοριά. Ἀθηνα, 1984. Σ. 44.

[9] По мнению В.С. Шандровской, при изображениях на печатях «отчасти имеет место путаница в обозначении типов, встречающаяся на самих печатях». Так, Агиосоритисса в рост названа Одигитрией, а Одигитрия – Никопеей, Богоматерь Знамение носит эпитет Влахернитисса. Хотя этот эпитет и может быть объяснен связью с Влахернским храмом, где, как полагает В. Зайбт, и возник этот новый тип. См.: Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери//ВВ. 1999. Т. 58. С. 195-196). Это имело место и позже. На печати Иоанна Ватаца (1341 г.) при изображении сидящей на престоле Богоматери Кипрско-Печерского типа молитва обращена к Одигитрии. См.: Oikonomidès N. Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1987. № 148.

[10] См.: Mother of God. Representations of the Virgin in Byzantine Art. Milan, 2001. P. 33. Ill. 14. Так при том, что традиционно эпитет «Влахертинисса» прилагался к Оранте, он известен и на иконах весьма разных по иконографии – от Елеусы до Одигитрии.

Т. е. здесь эпитеты никак не связаны с тем иконографическим типом, который они определяют. И это явно не ошибка мастера, но отражение воли заказчика. Вероятно, что в Курбиново перед нами тот же казус. Но если рассматривать образ Богоматери церкви св. Георгия как вариант Одигитрии, то появлению при ней надписи «Никопея» можно дать иное объяснение.

Как известно, Богоматерь была покровительницей и защитницей столицы Византии[11]. Центром ее культа в Константинополе был Влахернский комплекс его святыней – мафорием Богоматери. Здесь почитались различные по иконографии ее образы: Оранта, Гликофилуса, Никопея, позже Епископсис и, вероятно, Одигитрия и Агиосоритисса[12].

Первое известное нам чудо спасения столицы Богородица явила в 626 г., во время осады Константинополя аварами[13]. И связано это было с

---

[11] О посвящении Константинополя Богоматери см.: HUNGER H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, Wien, Köln, 1965. S. 52. В «Слове о положении ризы» Константинополь назван «градом Богородицы», а ее «всечистое имя...считается стеной и забралом спасения» города. См.: ЛОПАРЕВ Х. Старое свидетельство о положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 г.//ВВ. 1895. Т. 2. Вып. 4. С. 589. См. также: ЭТИНГОФ О. Об иконе «Богоматерь Пирогощая» и 12 икос Акафиста Богоматери// МОΣХОВІА. М., 2001. Вып. 1. С. 500-504.

[12] На иконе XII в. из монастыря св. Екатерины на Синае изображены пять различных по иконографии образов Богоматери: Гликофилуса (Влахернитисса), Одигитрия, Кипрско-Печерская, Агиосоритисса и Химеутис. Вероятно, эти иконы были наиболее почитаемы заказчиком, либо же наиболее популярны в конце XII в. Показательно отсутствие здесь Никопеи и присутствие Одигитрии. См.: CUTLER A., SPIESER J.-M. Byzance médiévale, 700–1204. P., 1996. P. 391. Ill. 310. См. также: HERRIN J. Virgin Hodegetria//The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, N.-Y., 1991. Vol. 3. P. 2172-2173. На известном энколпии XII в. Ирины Синадины с поясной Агиосоритиссой из Маастрихта изображение Богоматери сопровождается плохо сохранившейся надписью, с известной вероятностью реконструируемой как «Влахернитисса». См.: Byzanz. Das Licht aus dem Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich von 4. bis 15. Jahrhundert. Mainz, 2001. S. 295. Abb. IV. 14.

[13] Никифора, патриарха Константинополя краткая история со времени после царствования Маврикия/Пер. и комм. Е.Э. Липшиц//ВВ. 1950. Т. 3. С. 356-357. ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А.И. Акафист Божьей Матери//ВВ. 1903. Т. X. С. 366-368. По синаксарю Константинопольской церкви во время Льва Исавра агаряне обложили город с суши и с моря, но были рассеяны «силою Господа и молитвами его всенепорочной матери». См.: ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А.И. Акафист Божьей Матери. С. 387. См. также: ЛОПАРЕВ Х. Старое свидетельство о положении ризы Богородицы во Влахернах... С. 581-628. Константин Багрянородный пишет, что снятию осады Константинополя в 717 г. жители были обязаны Богоматери. «И пребывало наше государство долгое время в

Влахернами. Показательно появление в этой связи на печатях Ираклия и его преемников Богоматери в двух ипостасях – Никопеи и Одигитрии[14]. Одигитрия, как кажется, уже тогда могла выступать в роли защитницы Константинополя от врагов, хотя представление об этом окончательно оформилось, как нам представляется, лишь в комниновский, если не в палеологовский период (когда чудо 626 г., связанное с Влахернским храмом, было приписано иконе Одигитрии)[15]. При этом функции эти она делила с Орантой, которая выступала в качестве покровительницы города и государства, гаранта мира и спокойствия как внутри их, так и на границах империи, отвращая нападавших на нее врагов («необоримый щит»). Никопея же, как состратегисса василевса была призвана обеспечить ему военный успех и именно ее икона, как полагал

мире под водительством и охраной сего града со стороны владычицы нашей приснодевы и Богородицы Марии, непорочного святого лика которой устыдился и смутился сам Сулейман, упавший с коня». См.: Об управлении империей/Текст, пер. и комм. М., 1991. С. 80-81.

[14] Отсюда довольно раннее появление ее образов на императорских печатях от Константа II до Льва III и после длительного перерыва – императрицы Феофано (959–969). См.: ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. T. 1. Part. 1. Basel, 1972. №№ 23-25, 27-33.

[15] Традиционно считается, что она являла чудо через свой образ – икону, выносимую на городскую стену. Это не совсем верно, так как в критических ситуациях прибегали к защите Богоматери, используя ее реликвию – омофор. Так, во время осады Константинополя русами в 860 г. во время церемонии во Влахернском храме, край вынесенного из него патриархом Фотием омофора с молитвами был погружен в море, после чего буря рассеяла корабли русов. См.: ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А.И. Акафист... С. 380-381. Во время осады города войсками царя Болгарии Симеона (923 г.) император Роман Лакапин, «прибыв во Влахерны, вошел в святую усыпальницу (Агиа Сорос), простер руки в молитве, а потом пал ниц и, орошая слезами святой пол, просил всеславную и непорочную Богородицу смягчить несогбенное и неумолимое сердце гордого Симеона и убедить его согласиться на мир. И вот открыли они святой киот, где хранился святочтимый омофор святой Богородицы, и, накинув его, царь словно укрыл себя непробиваемым щитом, а вместо шлема водрузил свою веру в непорочную Богородицу и так вышел из храма, оборонен-ный надежным оружием» (См.: Theophanes continuatus/Ed. I. BEKKER. Bonnae, 1838. P. 406.19 – 407.7). Во время балканской кампании Алексея I Комнина, в ходе сражения с печенегами при Доростоле, когда византийская армия оказалась на грани уничтожения и «скифы» угрожали жизни самого императора, «василевс (верхом на коне) вышел из рядов войска и остановился. В одной руке у него был меч, в другой он, как знамя, держал омофор Богородицы». На этот раз омофор не помог – византийская армия была разгромлена. Более того, спасаясь от преследования, император был вынужден спрятать реликвию в кустах. См.: Анна Комнина. Алексиада/Вст. ст., пер. и комм. Я.Н. Любарского. М., 1996. С. 210.

Н.П. Кондаков, сопровождала его в походах как «полководец защитник, необоримый в бою»[16].

Н.П. Кондаков писал, что «православная церковь выставляла, по требованию времени, различные стороны главных задач христианской веры на земле, ставя, наряду с задачей человеческого спасения, также сохранение империи и церкви, и в зависимости от этого рассматривая образы Спасителя и Божьей матери»[17]. В этой связи показательно, что во Влахернах Богоматерь изначально почиталась как посредница и заступница за православных перед Господом (Оранта). Лишь позже эта функция дифференцировалась, и Богоматерь стала выступать как защитница империи и ее столицы, как совоеначальница василевса в борьбе с внешними врагами (Никопея), как покровительница и защитница верующих (Одигитрия), заступница за них перед Господом (Параклисис).

Тем не менее, функции эти никогда не были жестко связаны с конкретным образом Богоматери, с присущими ему иконографическими особенностями. Так абсида построенной при Василии I церкви Богоматери в Фаросе в комплексе Большого дворца (881), «блистает образом Богородицы, простирающей свои непорочные руки ради нас, даруя защиту императору и помощь против врагов»[18]. Т.е. в данном случае речь идет об изображении Богоматери Оранты, воспроизводящем именно Влахернский образ, хотя, казалось бы, речь должна идти о Никопее.

Как следствие, можно предположить, что социальные функции Оранты и Никопеи, Параклисис, Одигитрии, позже Перивлепты во многом были многогранными и в целом сходными, в разных аспектах обеспечивая небесное покровительство Константинополю, империи и василевсам, представителям элиты и рядовым подданным империи. И главенствующую роль в распространении данных идей играл основной центр культа Богоматери в столице, да и в империи в целом, Влахернский комплекс с его святыней – мафорием, рано оказавшийся под непосредственным покровительством двора.

Отсюда пребывание в церквях Влахерн различных по иконографии, что было связано с приписанными им конкретными социальными функциями, чудотворных образов Богоматери. К сожалению, четко фиксируется наличие здесь только образа Оранты. Пребывание там образов Никопеи отмечают лишь сравнительно поздние источники, тогда как связь

---

[16] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. М., 1999. С. 195. Хотя он и не был в этом уверен, считая, что это могла быть и Одигитрия.

[17] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. С. 70.

[18] The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople/Ed. by C. Mango. Cambridge, 1958. P. 188.

с Влахернами образов Одигитрии, Параклисис, Гликофилусы (Гликотрофусы), вероятна, но недоказуема на основании существующего комплекса источников.

При всем разнообразии чтимых образов Богоматери показательно, что, возможно, в связи с чудом 626 г., в сфрагистике времени правления Ираклия и его потомков превалируют образы именно Никопеи и Одигитрии. В этой связи создается впечатление, что культ Никопеи именно в это время и именно в связи с данными событиями был избран в качестве официального, приобретя статус государственного, уже в силу своих функций не мог быть популярным в народе. Богоматерь Никопея выступала в роли состратегиссы императора, роли, весьма далекой от повседневных нужд и чаяний его подданных. В этом основная причина отсутствия каких-либо свидетельств широкого почитания Никопеи.

Иными были функции Одигитрии, нисходившей именно до обыденных забот каждого верующего. Казалось бы, популярность ее культа должна была отразиться в источниках. Но ранняя история чудотворного образа Одигитрии неизвестна, как неизвестно и где он хранился до IX в. Н.П. Кондаков предполагал, что это мог быть храм во Влахернах, ссылаясь на стихотворение современника и панегириста императора Ираклия Григория Писиды, связываемое исследователем с Влахернским храмом на основании его заголовка εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις ναόν, и, по его мнению, описывающее икону Одигитрии или Никопеи[19].

В IX в. Одигитрия находилась не во Влахернском храме, но в монастыре Одигон[20]. Так, кесарь Варда перед походом против Крита (886) «вошел со светильниками в храм пресвятой госпожи нашей Богородицы, именуемый Одиги»[21]. Т.е., подобно образу Никопеи, образу Оди-

---

[19] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. С. 156. В то же время он, как и Дж. Херрин констатируют отсутствие каких-либо данных о местонахождении иконы Одигитрии до IX в. Это была икона, изображающая Богоматерь стоящей в полный рост. Но неизвестно был ли у нее на руках младенец Христос. См.: Herrin J. Virgin Hodegetria... С. 2172. См. также: Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки. VI/Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1909. С. 304, 307.

[20] См.: Janin R. Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. T. III: Les églises et les monastères. P., 1953. P. 207-216. Ср.: Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. С. 61; Т. 3. С. 195. По логике автора, т.к. икона Одигитрии «ходила» во Влахерны, мы могли бы предполагать, что почетное имя Влахернитиссы придавалось именно этой чудотворной иконе. Икона действительно «ходила» по городу в процессии, но не была Влахернитиссой. См.: Шалина И.А. Вторничные шествия с иконой «Богоматерь Одигитрия» в Константинополе//Византия и Христианский Восток. Научная конференция памяти А.В. Банк. Тез. докл. СПб., 1999. С. 58-63. Автор связывает чудо 626 г. с Одигитрией.

[21] Это первое свидетельство о существовании монастыря, по преданию, осно-

гитрии были приписаны функции защиты, отведения внешней угрозы, помощи в борьбе с врагами, т.к. Варда молился перед ее иконой накануне военного похода, кстати, неудачного.

Н.П. Лихачев, анализируя изображения Богоматери на печатях Ираклия и его преемников, писал: «Я установил, что изображение Никопеи с восшествием Льва Исавра заменено было на печати его изображением Одигитрии»[22]. Отмечая ошибку Н.П. Кондакова, полагавшего, что на венецианской иконе Богоматери Никопеи в Сан Марко Богоматерь изображена как Одигитрия, он писал: «Одигитрия как прославленная святыня Византии сменила Никопею. У меня возникло убеждение, что Никопея как палладиум рода Ираклия, постепенно уступала место Одигитрии, изображение коей чтилось родом Льва Исавра, в сущности сирийца. Династия Исавра вступила на путь иконоборчества, но почитание Одигитрии было только отодвинуто. Патриарх Фотий во возобновлению почитания икон принял это изображение на свою печать»[23].

Гипотеза исследователя представляется нам лишь отчасти обоснованной уже потому, что на печатях патриарха Фотия помимо изображения Одигитрии также появляется и образ Никопеи[24]. Еще раз напомним об их одновременном появлении на печатях Ираклия и его преемников, что традиционно связывают с чудом 626 г, а также с победами императора над персами.

О связи образов Никопеи и Одигитрии, суть которой неизвестна по причине отсутствия каких-либо источников, свидетельствует и наличие изображения Никопеи (не Одигитрии!) на л.с. печати монастыря Одигон в XI в., тогда как на л.с. печати протопроедра, великого скевофилакса Влахерн и прота пресбейи Николая Склира – образ Одигитрии.

Первое ясное свидетельство об обращении к заступничеству иконы Одигитрии в Константинополе относится только к концу XII в. К этому времени культ Одигитрии уже приобрел полуофициальный статус святыни правящего дома. При Иоанне II Комнине ее чудотворная икона или, что более вероятно, ее список был перенесен в монастырь Пантократора (усыпальницу Комнинов)[25], точнее, в церковь Богоматери мона-

---

ванного Михаилом III. По мнению Р. Жанена, ранее на этом месте вблизи Большого дворца могла стоять часовня с иконой Богоматери. См.: JANIN R. Les églises... P. 208.

[22] Письмо Э. Миннсу//Архивы русских византинистов в Санкт Петербурге. Т. 1. СПб., 1995.С. 188-189.

[23] Там же. С. 189.

[24] OIKONOMIDÈS N. Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986. P. 61-62. № 53-54.

[25] JANIN R. Les églises... P. 171.

стыря. Сама же икона, по-видимому, оставалась в монастыре Одигон. Во время мятежа Алексея Враны в 1187 г., при появлении мятежников у стен города Исаак Ангел «поставил на городских стенах необоримое укрепление и нерушимую ограду – икону Богоматери, называемую по монастырю Одигон, которому она принадлежит, Одигитрией, и решился со своей стороны начать наступательные действия»[26]. Т.е. император прибег к покровительству Богоматери для отражения врагов и спасения столицы.

При разгроме Константинополя в 1204 г. и гибели или расхищении его святынь, Никопея или ее список оказались в Венеции. При этом ошибка Н.П. Кондакова, видевшего венецианский образ, закрытый окладом, объяснима тем, что иконография образа Богоматери здесь весьма далека от классической, присущей Никопее. На иконе Сан Марко погрудное изображение Марии, держащей перед собой младенца Иисуса как бы сидящего у нее на коленях.

Подобные изображения стоящей или сидящей на престоле Богоматери данного типа традиционно определяются как Кириотисса (первый) и Кипрско-Печерский (второй). Иконографически они отличаются от Никопеи в ее классическом варианте. В то же время отметим, что над центральным порталом Сан Марко сохранилось изображение Богоматери в рост, держащей перед собой младенца Христа (около 1103 г., т.е. до появления в храме константинопольской иконы). То есть, помещая икону в храм как образ именно Никопеи, современники либо ошибались, что маловероятно, либо данный иконографический тип рассматривался как вариант Никопеи. Вероятно, но недоказуемо, что в Венеции оказалась та икона, которая сопровождала в походах византийских императоров, и которую крестоносцы захватили в лагере разгромленного ими Алексея V Мурзуфла.

В то же время икона Одигитрии во время разгрома Константинополя крестоносцами, как кажется, попала в руки венецианцев, оставивших ее на месте. Это явилось основой представления о том, что икона намеренно оставалась в городе, вселяя надежду на заступничество Богоматери и на помощь в борьбе с латинянами, что и произошло в 1261 г., когда освобождение столицы было приписано помощи единственной святыни, остававшейся в ее стенах – иконе Одигитрии.

По преданию, она была замурована в нишу стены монастыря Пантократора вместе с горящей лампадой, коя продолжала гореть и в момент вскрытия ниши в 1261 г.[27] Икона предшествовала императору Михаилу VIII Палеологу в его триумфальном въезде в Константинополь. Как пишет Георгий Пахимер, «достигнув Золотых ворот, он остановился там на несколько дней... Послал он принести из обители Пантократо-

[26] Nicetae Choniatae Historia/Ed. J. VAN DIETEN. Berlin, N.-Y., 1975. P. 382.54-61.
[27] Georges Pachyméres, Relations historiques I./Éd. par A. FAILLER. P., 1984. P. 212, n. 7.

ра священную икону Пречистой Богоматери. написанную, как говорят, божественным Лукою, ...та икона там когда-то явилась и подарена василиссе Пульхерии невесткой ее Евдокией... как дар, несомненно присланный из Палестины. Итак, вступая в город в сопровождении этой воительницы, от которой, по его убеждению, зависело и само возвращение города, он думал этим воздать ей должную благодарность». Во главе процессии «...в победных рукоплесканиях и священных песнях...» император прошествовал через Золотые ворота к Большому дворцу[28].

На л.с. печати Михаила VIII Палеолога, надписи и изображения которой имеют триумфальный характер и связаны с освобождением Константинополя от латинян в 1261 г., изображен император, держащий над головой двумя руками икону Богоматери Одигитрии[29]. Казалось бы, на ее месте должна быть, уже в силу своих функций, Никопея. Однако создается впечатление о том, что к этому времени культ Никопеи перестал быть актуальным для двора и ее функции были приписаны более популярной Одигитрии[30]. Благо, ее икона оказалось единственной, остававшейся в столице во время латинского владычества. Литературно это было оформлено Никифором Каллистом Ксанфопулом, приписавшим образу Одигитрии все ранее происшедшие чудеса спасания Константинополя, включая чудо 626 г.[31]

---

[28] Georges Pachymérès, Relations historiques I. P. 217. 9-18, 21; 219. 5, 17-18.

[29] Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. L., 1998. Part. 1. № 7.

[30] Икону Никопеи, как сказано выше, увезли в Венецию. Однако во дворце осталась часовня Никопеи (τὸ εὐκτήριον τῆς Νικοποιοῦ Θεοτόκου). С этой часовней связано изображение св. Георгий на коне, созданное живописцем Павлом. От коня, согласно преданию, Балдуин II услышал ржание накануне завоевания Константинополя византийцами в 1261 г. Двойное такое ржание услышал и Андроник II в ночь с 7 на 8 марта 1321 г., т.е. того года, в котором начались войны между ним и его внуком Андроником III. См.: Nikephoros Gregoras, Rhomäische Geschichte/Übers. und erl. von J.L. VAN DIETEN. Stuttgart, 1979. T. I. P. 303.11 – 305.8. T. II. S. 133-134. A. 39 (датировка), 41. Ван Дитен (A. 41), делает ссылку на Пс.-Кодина (См.: VERPEAUX J. Pseudo-Kodinos. Traité des offices. P., 1969. P. 227.13-15). Там речь идет о храме «пресвятой Богородицы Никопеи (τῆς παναγίας Θεοτόκου τῆς Νικοποιοῦ), где находится икона св. Георгия». Там же см. о храме «...Никопеи, где и стоит икона Одигитрии» (τῆς Νικοποιοῦ, ὅπου καὶ ἡ τῆς Ὁδηγητρίας ἵσταται εἰκών) – P. 228.1-3. См. также: JANIN R. Les églises et les monastères ... P. 198-199. Император должен был, согласно Пс.-Кодину (P. 246.7-9) 8 марта 1321 г., в воскресение Православия, посетить Св. Софию. Итак, он находился накануне, вероятно, не во Влахернах, но в Большом дворце. Там следует локализовать и часовню. [Указано Х.-Ф. Байером].

[31] Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон/Пер., предисл. и комм. А.М. КРЮКОВА//Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 464-475.

Возможно, для этого были некоторые основания, так как лишь сугубо гипотетически можно «развести» оборонительные (Одигитрия), наступательные (Никопея) и более общие охранительные (Оранта) функции различных по иконографии образов Богоматери, оговорившись, что сделать их четкое разграничение невозможно, так как его, как кажется, не было изначально[32]. О частичном дублировании социальных функций Одигитрии и Никопеи, на наш взгляд, свидетельствуют и сфрагистические памятники (см. выше).

Они же свидетельствуют о популярности культа Одигитрии в ранней Византии. Она изображена на л.с. печатей Константина IV, Леонтия, Тиверия III, Юстиниана II, Вардана-Филиппика, Льва III, Никифора I, Михаила I, Льва V, т.е. с 681 по 815 г.[33]. В период правления Македонской династии на первый план выходят культы Оранты, Епископсис–Знамение и Никопеи, что также получило отражение в нумизматике и сфрагистике. Культ Одигитрии вновь приобретает полуофициальный характер лишь при Иоанне II Комнине[34] и становится государственным после 1261 г.

Поздняя традиция приписала иконе Одигитрии чудо 626 г. потому, что после 1261 г. именно она выступала как воплощение конкретной функции защиты Константинополя от врагов. Но и это не очевидно, так как на монетах Михаила VIII (1251–1282), Андроника II (1282–1328) и совместного правления Андроника II и Михаила IX Палеологов (1295–1320) в кольце стен Константинополя как его палладиум изображена не Одигитрия, но Оранта[35].

К сожалению, отсутствие источников не дает возможности выйти за пределы гипотез. Пока же создается впечатление о том, что в период правления Комнинов к концу XII в. культ Никопеи все более уступает свои позиции и, что более существенно, функции культу Одигитрии, приобретшему тогда полуофициальный, еще не государственный, но династийный характер. Тенденция эта сохранилась и при Ангелах (казус 1187 г.), а при Палеологах культ чудотворной иконы Одигитрии оконча-

---

[32] Так, на миниатюре Хлудовской псалтири середины IX в. на крепостной стене града Сиона как апотропей изображена именно икона Никопеи (Кириотиссы) – погрудное изображение Богоматери, держащей перед грудью младенца Иисуса. См.: Щепкина М. В. Миниатюры Хлудовской псалтири. М., 1977. С. 86 об.

[33] См.: Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров... С. 202-203.

[34] Бутырский М.Н. Византийское богослужение у иконы согласно типику монастыря Пантократора 1136 г./Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 146-147.

[35] Hendy M.F. Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300-1450. Cambridge, 1985. Pl. 45.13; Bendall S., Donald P. The Later Palaeologan Coinage (1282-1453). L., 1979. №№ 34.1, 62.1.

тельно оттеснил на второй планы все остальные богородичные культы.

В этой связи показательна икона Богоматери с полулежащим на ее руках младенцем, (если считать ее Одигитрией, а не самостоятельным иконографическим типом) из Византийского музея в Афинах, датируемая второй половиной XIV в., с надписью на окладе «Акатамахитос» – «Непобедимая». Но образ той же иконографии в абсиде церкви св. Георгия в Курбиново, написанный греческим художником, ранее работавшим в Кастории, в 1191 г. (полутора веками ранее) определен как ΜΘ Νικοποιός. В свете вышеизложенного, на наш взгляд, вряд ли это можно считать ошибкой художника, но, что более вероятно, свидетельством одного из этапов деградации культа Никопеи как официального и придворного. От образа собственно Никопеи в абсиде св. Софии в Охриде к варианту Одигитрии (?) в абсиде церкви св. Георгия в Курбиново и иконе Одигитрии Акатамахитос в Византийском музее в Афинах[36].

V.P. Stepanenko
Ekaterinburg

DIE GOTTESMUTTER ΝΙΚΟΠΟΙΟΣ UND ΑΚΑΤΑΜΑΧΗΤΟΣ
(Zur Interpretation eines Freskos der Kirche des hl. Georgios in Kurbinovo)

In der Kirche des hl. Georgios in Kurbinovo (1191) ist die thronende Gottesmutter mit dem auf ihren Knien halb liegenden, segnenden Jesuskind dargestellt. Der ikonographische Typ findet sich in einer Reihe von Denkmälern, die auf die 2. H. des 11. und auf das 12. Jh. zurückgehen. N.P. Kondakov und D. Muriki sahen in ihm eine Variante der Hodegetria, S. Radojčić eine thronende Gottesmutter «mit dem spielenden Jesuskind». D. Bardžieva gab die Beischrift zur Gottesmutter ΜΘ Νικοποιός heraus und nahm an, dass die Beischrift fehlerhaft sei, da sie der Ikonographie der Nikopoios nicht entspreche, die in Makedonien bereits bekannt war (s. Fresko in der Apsis der Hagia Sophia in Ohrid).

Die Gottesmutter in der Apsis der Georgios-Kirche ist nicht die Nikopoios. Doch ist es sicherlich nicht richtig, von einem Fehler des Meisters zu sprechen, da er Grieche war und zuvor an der Ausmalung der Anargyroi-Kirche in Kastoria teilnahm. Wir müssen ihn als einen Experten in der Ikonographie ansehen, zumal die Beischrift die zentrale Figur der Malerei in der Apsis betrifft, wenn auch die Möglichkeit eines Fehlers nicht

[36] Ἀχειμάστου-Ποταμιανοῦ Μ. Εἰκόνες τοῦ Βυζαντινοῦ Μουσείου ... № 19.

vollkommen auszuschließen ist, da Präzedenzfälle bekannt sind. Das ein oder andere Epitheton der Gottesmutter als Beischrift zu ihrer Darstellung konnte aber auf eine individuelle Auswahl des Bestellers des Kunstwerks zurückgehen. So lautet die Beischrift der Nikopoios auf einem goldenen Enkolpion vom IX.–X. Jh. Καρδιοβαστάζουσα (Herzhaltende) und die der Hodegetria auf der anderen Seite ἡ Ἀβασιωτησιώτισσα (Gottesmutter des Melographen Abasiotes?). Die Epitheta müssen nicht unbedingt dem ikonographischen Typ entsprechen, dem sie beigefügt sind. Wenn nicht, dann drückt sich in ihnen kein Fehler des Meisters, sondern der Wunsch des Bestellers aus. Möglicherweise haben wir es in Kurbinovo mit einem solchen Fall zu tun. Wenn wir aber die Darstellung der Gottesmutter in der Georgios-Kirche für eine Variante der Hodegetria halten, so gibt es für die Beischrift Νικοποιός auch eine andere Erklärung.

Zwischen den Kulten der Nikopoios und der Hodegetria bestand seit alter Zeit ein gewisser Zusammenhang, wahrscheinlich hatten sie die gleiche Funktion des Schutzes der Gläubigen und der Hilfe im Kampf gegen die Ungläubigen. Nach dem Wunder der von der Gottesmutter bewirkten Befreiung Konstantinopels von der Belagerung durch die Avaren (626) erscheinen auf den Siegeln des Herakleios und seiner Nachfolger Darstellungen der Nikopoios und der Hodegetria. Später erscheinen sie auf den Siegeln des Patriarchen Photios. Die Nikopoios ist auf dem Siegel des Hodegon-Klosters dargestellt. Es scheint, dass der Kult der Nikopoios nach 626 den Status eines internen Staatskultes erhielt und auf Grund dieser Funktion keine Popularität erlangen konnte. Deshalb tritt er seit der Zeit der Makedonischen Dynastie hinter den Kult der Hodegetria zurück, der in der Komnenenzeit einen halboffiziellen Status erreicht und den Kult der Nikopoios in der Palaiologenzeit endgültig ersetzt. Michael VIII. begleitete 1261 bei seinem triumphalen Einzug in die Hauptstadt die Ikone der Hodegetria. Im Licht des oben Ausgeführten ist die Darstellung in Kurbinovo als ein Zeugnis des Verfalls des höfischen Kults der Nikopoios einzustufen. Er findet seinen Ausdruck in der Entwicklung von der echten Nikopoios in der Sophienkirche zu Ohrid über die Hodegetria-Variante der Nikopoios in Kurbinovo bis hin zur Hodegetria Akatamachetos-Ikone der 1. H. des 14. Jh.s im Byzantinischen Museum zu Athen.